

жизни, ея „образуется“, онъ не рѣшился бы ото- жествить съ мелочами и соромъ обыденности. Но чѣмъ дольше онъ самъ жилъ, тѣмъ страшнѣе, имен- но страшнѣе казалась ему наша способность заглу- шать свои духовныя боли, наша удобная способ- ность привыкать. И величіе его какъ человѣка сво- дится именно къ тому, что надъ нимъ привычка не взяла верха. Онъ успокоиться не могъ. Онъ упорно искалъ выхода изъ жизненныхъ тупиковъ, безустан- но рѣшалъ мучительныя задачи, хотѣлъ сломить со- ціальную обиду и неправду. И то, что въ мірѣ нѣтъ виноватыхъ, что есть цѣлая система преступ- ности, круговая порука зла, — это не утѣшало его. Онъ искалъ. И не находя спасенія и чувствуя, что вмѣстѣ съ другими несетъ его самого волна повсе- дневности, онъ, старый, приходилъ въ отчаяніе. И безконечно-трогательна его жалоба на самого себя, его сокрушеніе, что онъ не имѣетъ силъ уйти изъ своей обезпеченной, но „развращающей, преступной“ среды. Когда же эти силы явились къ нему и онъ ушелъ, тогда онъ умеръ. Но многихъ смерть за- стаетъ уже мертвыми, — Толстой умеръ живымъ. „На девятомъ десяткѣ, ослабѣвшій тѣлесными силами... все сильнѣе и сильнѣе сознавая всю преступность своего положенія, я все болѣе и болѣе страдаю отъ этого положенія“. На девятомъ десяткѣ... Казалось бы, въ эти годы можно бы уже успокоиться и при- выкнуть къ себѣ, — мы это дѣлаемъ гораздо раньше... Но вотъ Толстой къ жизни и къ себѣ не привыкъ,